

вреда и будет ли оно нести его вообще. Для разрешения этой дилеммы необходимо обратиться к ст. 19 Русской Правды (Пространная редакция, Троицкий список), которая говорит о том, что за убийство «огнищанина в обиду» виновный наказывался тем, что был обязан за это платить 80 гривен семье потерпевшего и 80 гривен в княжескую казну. Более строгие виды наказаний за убийство обиженным своего обидчика не указывались в этом памятнике права Древней Руси [5, с. 48].

Далее данные нормы нашли свое отображение и дальнейшее развитие в Артикуле воинском Петра I 1715 г., который предусматривал ответственность за оскорбление, нанесенное в состоянии крайнего возбуждения: «ежели кто другого не одумавшись с сердца, или опаматовась, бранными словами выберанит, оный пред судом у обиженного христианское прощение имеет чинить и просить о прощении» [6, с. 322]. Анализируя данную формулировку, необходимо акцентировать внимание на таких понятиях как: «не терпя...», «не одумавшись с сердца, или опаматовась» – эти характеристики эмоционального состояния лица позволяют утверждать, что в этот период основанием смягчения или освобождения от уголовной ответственности была внезапность умысла, который возник под влиянием переживаний, чувств и эмоций. Современное законодательство не рассматривает такое состояние как основание смягчения ответственности: сами по себе эмоции не имеют уголовно-правового значения.

В дальнейшем данная норма нашла свое отражение в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных, которое было утверждено указом Николая I 15 августа 1845 года и введено в действие с 1 мая 1846 г. По сути, твердо можно утверждать о том, что данный акт стал первым уголовным кодексом в истории российского уголовного права, поскольку предыдущие акты состояли из множества норм, регламентирующих разные отрасли права. Данное Уложение закрепило ответственность за преднамеренное убийство, а также за убийство, совершенное по внезапному побуждению, без предварительного умысла. К последним относились действия, совершаемые в состоянии запальчивости или раздражения, что и послужило основанием для отнесения их к привилегированному составу. Эти два обстоятельства законодатель понимал как состояние, которое объединяет в одном душевном напряжении, а так же в формировании и возникновении злого умысла, после чего виновное лицо реализует данный умысел при помощи совершения преступления. Все те деяния, которые осуществляются виновным в данном состоянии, выступают в качестве «продукта одного страстного порыва». При закреплении данных категорий законодатель предполагал их использовать в качестве общих понятий о подобном настроении виновного, которое в определенной степени оправдывает его деяние. Возбудителями такого состояния могут быть различные источники, которые могут иметь разнообразные оттенки влияния на виновное лицо. Следует акцентировать внимание на том факте, что Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. имело свои отличительные черты от предыдущих актов, предусматривавших уголовную ответственность за аффективные преступления. Данные отличия проявлялись в том, что Уложение 1845 г. закрепляло нормы, которые имели казуистический характер, предусматривающие точные и конкретные термины. Указанные нормы существовали с целью определения эмоционального состояния виновного лица, которое в свое время выступало в качестве основания освобождения от ответственности –

«запальчивость» и «раздражение».

Анализируя содержание данного Уголовного уложения, следует отметить, что в случае совершения преступления в результате сильного раздражения на некую обиду, оскорбление или на поступки лица, уменьшается и смягчается вина преступника, в том числе и строгость назначения наказания. Наказание за убийство не смягчается в следующих случаях: совершения хладнокровного убийства, даже если умысел возник в состоянии аффекта; когда обдуманное намерение на совершение преступления было реализовано в запальчивости и раздражении. Раздражение, согласно Уложению, – это такое состояние человека, когда он «весь придается этому душевному порыву, не чувствует в себе достаточно силы, чтобы овладеть собою».

Необходимо обратить внимание на то, что с самого начала принятия Уложения для того, чтобы возможность смягчения наказания стала реальной, законодатель закрепил провокацию со стороны потерпевшего лица. В дальнейшей же редакции Уложения возможность смягчения наказания стала допустимой, независимо от обстоятельств, которые могли вызвать раздражение у виновного лица. При назначении наказания не учитывался тот факт, в отношении какого именно лица были осуществлены противоправные или аморальные действия, то есть главное значение имело то, что это раздражение повлияло на виновное лицо. Это говорит о том, что провокация должна быть признана не только при обиде, нанесенной напрямую виновному в совершении убийства, но даже при оскорблении, которое было адресовано близкому для виновного лицу. Наказание за подобное преступление при таких обстоятельствах должно быть менее строгим.

Исходя из вышеуказанного, можно смело говорить о том, что состояние «запальчивости или раздражения» было основополагающим структурным признаком состава данного «привилегированного» вида убийства даже независимо от того, кем или чем данное преступление было спровоцировано. Все это существенно снижало ценность данной уголовно-правовой нормы как регулятора справедливости ответственности и наказания за убийство в состоянии обоснованного психического расстройства, вызванного извинительными обстоятельствами (насилием или тяжким оскорблением со стороны убитого). Очевидно и то, что «запальчивость и раздражение» не могли служить показаниями такого психического расстройства лица, которое бы давало основание для резкого снижения степени его вины в убийстве, как обстоятельство, резко ограничивающее осознание виновным фактического характера и общественной опасности своих действий либо возможности руководить ими.

Следующим законодательным актом, который закрепил аффективные составы преступлений в уголовном законодательстве дореволюционного периода, стало Уголовное уложение 1903 года. Динамика развития общественных отношений, научные достижения рубежа XIX–XX в области психологии, смена власти, увеличение потребностей общества в целом привели к тому, что к моменту принятия данного акта такие термины как «запальчивость» и «раздражение», которые по Уголовному уложению 1845 года характеризовали эмоциональное состояние лица, устарели и были заменены одним общим понятием «сильное душевное волнение», а также был снижен максимальный срок наказания с двенадцати до восьми лет. По мнению редакционной комиссии, основанием для

снижения ответственности за аффективные преступления было: «в силе страсти, затмевающей умственные способности действующего и толкающей на преступление; действующий виновен в том, что уступил гневу или страху, который мог бы преодолеть, но он заслуживает некоторого извинения, потому что действовал под влиянием всеильного порыва, его охватившего» [10, с. 170]. Закрепляя данную норму, законодатель поставил перед собой цель ограничить возможность смягчения ответственности в том случае, когда эмоциональное состояние виновного действительно повлияло на сознание виновного и сузило его способность к выбору определенного варианта поведения. Это в значительной мере отличает данную норму, закрепленную в Уголовном уложении 1903 года, от нормы в Уложении 1845 г..

Предыдущие понятия из Уголовного уложения 1845 г. – «запальчивость» и «раздражение» – являются условными и могут применяться ко всем возможным случаям, что значительно увеличивает круг лиц, в отношении которых может применяться норма об аффективных преступлениях.

Преступления, которые совершались в непрерывно продолжающемся возбужденном состоянии, были выражены в ст. ст. 458 и 470 данного Уложения, в которых аффект считался обстоятельством, которое смягчает наказание. Так, в ч. 1 ст. 458 Уложения данная категория преступлений регламентировалась как задуманное и выполненное под влиянием сильного душевного волнения (оно наказывалось каторжными работами не свыше 8 лет), а в ч. 2 ст. 458 Уложения указывалось, что виновный за убийство под влиянием сильного душевного волнения может привлекаться к ответственности только в том случае, если его «душевное состояние вызвано противозаконным насилием над личностью или тяжким оскорблением со стороны (оно наказывалось только заключением в тюрьме на срок до одного года) [8, с. 616]. По своей конструкции диспозиция аффективных преступлений была приближена к той, которая закреплена в современном УК.

То, что касается уголовной регламентации аффективных преступлений в советский период, то необходимо отметить, прежде всего, что в период 1917–1919 гг. особенностями советского уголовного законодательства являлось:

- отсутствие детальных и отдельных норм о преступлениях против личности;
- полное отсутствие конкретно определенных санкций в отношении отдельных категорий преступлений.

Первое законодательное закрепление состояния сильного душевного волнения как смягчающего обстоятельства появилось в Руководящих началах по уголовному праву РСФСР 1919 г. В п. «з» ст. 12 было указано, что для определения меры наказания в каждом отдельном случае необходимо учитывать факт обнаружения в совершенном деянии заранее обдуманного намерения, коварства, жестокости, злобы, хитрости либо то, что деяние было совершено в состоянии «запальчивости» (последнее рассматривалось как обстоятельство, смягчающее ответственность).

В июне 1922 г. был введен в действие УК РСФСР, диспозиция ст. 144 которого была сформулирована так: «Умышленное убийство под влиянием сильного душевного волнения, вызванного противозаконным насилием или тяжким оскорблением со стороны потерпевшего». Общепринятым было суждение о том, что

«сам факт волнения, хоты бы и сильного, не должен смягчать ответственности» [14, с. 71]. Диспозиция этой уголовно-правовой нормы по существу не отличалась от диспозиций аналогичной нормы, которую предусматривала ч. 2 ст. 458 Уголовного уложения 1903 года. Изменилась лишь санкция: ст. 144 УК РСФСР 1922 года устанавливала за такое убийство наказание в виде лишения свободы сроком до 3-х лет [2, с. 153]. Но помимо законодательной регламентации сильного душевного волнения в Особенной части УК РСФСР 1922 г., в качестве смягчающего наказание обстоятельства в Общей части предусматривалась «запальчивость». То есть в данном случае законодатель разграничил такие понятия как «сильное душевное волнение» и «запальчивость», последнее из которых понималось как внезапно возникший умысел, который являлся противоположным прямому умыслу и выступал в качестве общего смягчающего обстоятельства, сильное душевное волнение было выделено в качестве признака привилегированного состава. Также разница между этими понятиями заключалась в том, что совершение преступления в состоянии сильного душевного волнения являлось менее общественно опасным, нежели в состоянии «запальчивости».

В ноябре 1926 г. ВЦИК был принят новый УК РСФСР, который по своему содержанию повторял УК РСФСР 1922 г. Содержание нормы о совершении преступления в состоянии аффекта значительно не было изменено. Законодатель лишь повысил наказание за этот вид «привилегированного» убийства до 5 лет лишения свободы. В ст. 144 УК РСФСР 1926 г. было закреплено нововведение. Диспозиция данной нормы предусматривала пониженную ответственность за легкое телесное повреждение, совершенное виновным в состоянии аффекта, что вызывало серьезные трудности на практике. В этой связи Пленум Верховного Суда РСФСР в постановлении от 7 марта 1927 г. вынужден был дать ряд разъяснений. В частности, в нем отмечалось, что, «исходя из того, что ст. 144 УК РСФСР 1926 г. предусматривает легкое телесное повреждение, нанесенное под влиянием внезапно возникшего сильного душевного волнения, вызванного насилием или тяжким оскорблением со стороны потерпевшего, а нанесение тяжкого телесного повреждения при тех же условиях не предусмотрено специально УК, а ст. 142, предусматривающая нанесение тяжких телесных повреждений, опасных для жизни, специально не выделяет случаев нанесения этих повреждений при наличии указанных в ст. 144 условий, впредь до издания специального закона при определении меры социальной защиты за нанесение тяжкого телесного повреждения под влиянием внезапно возникшего душевного волнения, вызванного насилием или тяжким оскорблением со стороны потерпевшего, суд должен руководствоваться пределами санкции, предусмотренной ч. 1 ст. 143» [7, с. 189]. Необходимым является указать на то, что в п. «д» ст. 48 УК РСФСР 1926 г. обязательным признаком убийства, совершенного в состоянии аффекта, было только данное состояние без противоправных действий со стороны потерпевшего лица. Такая формулировка уже была изменена в п. 4 ст. 33 Основ уголовного законодательства СССР и союзных республик 1958 г., в котором содержалось указание не только на наличие у виновного лица состояния аффекта, но и на обусловленность данного обстоятельства неправомерностью действий потерпевшего. А вопрос о том, может ли состояние аффекта у виновного лица вне связи с неправомерностью действий со стороны потерпевшего быть

обстоятельством, характеризующим деяние как менее опасное с точки зрения уголовного права, был некоторое время остро обсуждаемым в правовой литературе. Так, некоторыми учеными была высказана точка зрения, согласно которой сам факт наличия аффекта независимо от причин, его вызвавших, должен быть основанием к снижению ответственности. Для примера, М. Д. Шаргородский считал, что «требование провокации вряд ли является основательным. В состоянии аффекта человек не может полностью отвечать за свои поступки как за умышленные, просто в результате того состояния, в котором он находится. Именно это должно явиться основанием для снижения меры наказания» [9, с. 214]. Другую точку зрения высказывает А. А. Жижиленко, который говорит, что одного аффекта, то есть сильного душевного волнения, еще недостаточно для признания убийства привилегированным; требуется еще, чтобы была налицо провокация, то есть известные агрессивные действия со стороны потерпевшего. Эта провокация должна выражаться или в насилии, или в тяжком оскорблении со стороны потерпевшего [3, с. 25–26].

В 1958 г. вступили в действие Основы уголовного законодательства СССР и Союзных республик, ст. 33 которого закрепила одно из смягчающих обстоятельств – совершение преступления под влиянием сильного душевного волнения, которое было вызвано неправомерными действиями потерпевшего лица.

В 1960 г. был принят новый УК РСФСР, диспозиция ст. 104 которого устанавливала ответственность за убийство, совершенное в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения, вызванного насилием, тяжким оскорблением, а равно иными противозаконными действиями потерпевшего, если они повлекли или могли повлечь тяжкие последствия для виновного или его близких. Анализируя данную статью, законодатель уточнил в ней психические составляющие виновного путем прибавления к понятию «сильное душевное волнение» такого слова как «внезапно возникшее», которое давало основание говорить о «состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения» как о «состоянии аффекта», имея в виду, что аффекты, как особые состояния сознания человека, «возникают большей частью внезапно». Санкция данной статьи предусматривала наказание в виде лишения свободы на срок до пяти лет или исправительных работ на срок до двух лет. В данном случае состояние сильного душевного волнения имело два значения:

- данное обстоятельство было установлено в специальных нормах, которые влияли на квалификацию совершенного деяния (ст. ст. 104, 110 УК РСФСР);
- данное обстоятельство было закреплено как смягчающее ответственность обстоятельство и учитывалось при назначении наказания (п. 5 ст. 38 УК РСФСР).

Уголовный кодекс РСФСР 1960 г. в круг обстоятельств, которые могли быть основанием для установления состояния аффекта, помимо насилия и тяжкого оскорбления включил и иные противозаконные действия потерпевшего, если эти действия повлекли или могли повлечь тяжкие последствия для виновного или его близких [1, с. 25]. Иными словами, более широкой стала характеристика внешнего повода, который служил провокацией появления внезапно возникшего сильного душевного волнения и умысла на убийство виновного в этом состоянии.

Относительно такого обязательного признака аффективных преступлений, как вред, интересной представляется точка зрения Бабичева А. Г., который говорит о

том, что наличие требования в ст. 104 УК РСФСР реального или возможного вреда в результате противозаконных действий потерпевшего выглядело ненужным, ибо тяжесть таких последствий не может быть неременным, существенным, применимым во всех случаях мерилем допустимого повода при совершении данного вида убийства [2, с. 153]. Для того, чтобы реальность определения оценки прямого повода, который вызвал аффект у виновного лица, стала возможной, необходимо учитывать:

- степень аморальности или противозаконности провокационных действий;
- степень вреда, который был причинен вследствие определенных действий;
- субъективное восприятие виновным нанесенной ему обиды;
- значимость для него интересов, которые оказались объектом посягательства со стороны потерпевшего;
- эмоциональная выраженность недоброжелательности и (или) издевательского отношения потерпевшего к будущему убийце.

В дальнейшем данная норма поддавалась критике со стороны как правоприменителей, так и ученых. Было совершено большое количество судебных ошибок, что и привело к возникновению необходимости подготовки изменений конструкции данной уголовно-правовой нормы в УК РФ.

Таким образом, уголовно-правовые нормы об ответственности за преступления против жизни и здоровья, совершенные в состоянии аффекта, привели в процессе своего эволюционного развития к тем юридическим конструкциям, которые включены сегодня в действующие ст. 107, 113 УК РФ.

Ныне действующий УК РФ устанавливает уголовную ответственность за убийство в состоянии аффекта (ст. 107 УК РФ) и причинение тяжкого и средней тяжести вреда здоровью в состоянии аффекта (ст. 113 УК РФ). В отличие от предшествующих конструкций данных составов преступлений, уголовный закон внес определенные изменения в их нынешнюю регламентацию:

1) расширил круг обстоятельств, которые могут выступать основанием для установления состояния аффекта:

- противоправность или аморальность действий (бездействия) потерпевшего, что привело к возникновению внезапно возникшего сильного душевного волнения;
- систематическое противоправное поведение, которое привело виновное лицо в состояние длительной психотравмирующей ситуации;

2) был введен квалифицированный состав аффективного убийства, такой как: убийство двух или более лиц в состоянии аффекта;

3) уменьшено наказание за убийство в состоянии аффекта с пяти до трех лет. Наказание до пяти лет лишения свободы устанавливается лишь за убийство двух и более лиц;

4) состояние сильного душевного волнения было исключено из числа обстоятельств, которые смягчают наказание;

5) впервые предусматривается в качестве обстоятельств, смягчающих наказание, противоправность или аморальность поведения потерпевшего, явившегося поводом для преступления (п. «з» ч. 1 ст. 61);

6) в ч. 1 ст. 107 УК РФ и ст. 113 УК РФ не идет речь о близких виновного и о самом виновном, как это было в ранее действовавших УК;

7) законодательно закреплено понятие «аффект».

Итак, генезис уголовно-правовой регламентации преступлений, совершенных в состоянии аффекта, а вместе с этим и характеристика эмоционального состояния виновного лица во время совершения преступления, прошли эволюцию своего развития от Русской Правды и до ныне действующего УК РФ. Законодатели начинали с такого понятия как «запальчивость» и «раздражение», которые с течением времени сменило понятие «сильное душевное волнение», а затем последнее было отождествлено с «аффектом». Но необходимо указать на то, что замена самого термина невозможна без пересмотра его сущности, значения и содержания.

Анализируя и подводя итоги исследованию самых ранних российских законодательных актов (Русская Правда, Артикул Воинский, Уголовные уложения), можно прийти к таким выводам, что для смягчения ответственности в связи с эмоциональным состоянием виновного в момент совершения преступления необходимо было только установление внезапности умысла, который возник под влиянием чувств, эмоций и переживаний, то есть основанием смягчения ответственности служил простой душевный порыв. Данная позиция значительным образом отличается от ныне действующего УК РФ, который в диспозиции аффективных преступлений заложил 2 основания для возможности смягчения наказания и квалификации действий виновного лица по привилегированным составам. Таковыми основаниями являются: внезапность возникновения умысла (субъективный признак) и противоправность или аморальность поведения потерпевшего (объективный признак).

Список литературы

21. Александрова О. С. Понятие убийства совершенного в состоянии аффекта в источниках уголовного права советского периода / Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2011. – №1. – С. 23–25.
22. Бабичев А. Г. // Становление уголовного законодательства об ответственности за убийство в состоянии аффекта / Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2015. – №2. – С. 151–154.
23. Жижиленко А. А. Преступления против личности. – М.: [Ком. Акад.](#), 1927. – 195 с.
24. Куленко О. И. Эволюция развития уголовной ответственности, за преступления, совершаемые в состоянии аффекта // Вестник Челябинского государственного университета. – 2010. – № 9. – С. 70–73.
25. Российское законодательство X–XX веков. В 9 т. Т. 1. Законодательство Древней Руси. – М.: Юрид. лит., 1984. – 432 с.
26. Российское законодательство X – XX веков. В 9 т. Т. 4. Законодательство периода становления абсолютизма / под общ. ред. О. И. Чистякова; отв. ред. т. А. Г. Маньков. – М., 1986–511 с.
27. Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР, 1924–1977 гг. – М.: Известия, 1978. – Ч. 2. – 528 с.
28. Таганцев Н. С. Уголовное уложение 22 марта 1903 г. – СПб.: Тип. Меркушева, 1911. – 625 с.
29. Шаргородский М. Д. Преступления против жизни и здоровья. – М.: [Юрид. изд-во МЮ СССР](#), 1947. – 511 с.
30. Шарьорова Ю. Б. Ответственность за преступления, совершенные в состоянии аффекта, исторический аспект // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. – 2011. – №5. – С. 169–172.

Skvortsova O.V., Stepanyuk A.N. Genesis of penal crime regulation committed in the heat of passion // Scientific messages of Crimean Federal University the name of V. I. Vernadsky University. – Series: Juridical sciences. – 2016. – Vol. 2 (68). № 1. – P. 127–136.

In this paper the provisions of the early Russian legislative acts regulating criminal responsibility on account of emotional condition of the accused in the time of committing the crime are studied. The evolution stages of legislative stabilization of the obligatory conditions which existence makes the prosecution of the accused for the affective crime possible are observed. The legal codes studied the most precisely are Russkaia Pravda, The Military Article, Criminal Codes of 1845 and 1903, The Penal Code of RSFSR of 1926, The Basics of the Criminal Legislation of USSR and Union Republics of 1958, the Criminal Code of the UUUR of 1960 on the subject of the particular emotional condition stabilization as the state of the case forming the privileged body of the crime and remitting the punishment. The analysis of the Provisions of the New Criminal Code in RF of 1996 and its new developments regarding the regulations of crimes committed in the heat of passion, their correlation with the previous constructions of the affective crime component are accomplished.

Keywords: passion, heat of passion, offense, criminal insult, impulsive motive, quick-temper, irritation, provocation, systematicity, wrongfulness, amorality, emotional state.

Spisok literaturyi

1. Aleksandrova O.S. // Ponyatiye ubiystva sovershennogo v sostoyanii affekta v istochnikakh ugolovnogo prava sovetskogo perioda / Istoricheskiye. filosofskiyе. politicheskiye i yuridicheskiye nauki. kulturologiya i iskusstvovedeniye. Voprosy teorii i praktiki. – 2011. – №1. – S.23–25.
2. Babichev A.G. // Stanovleniye ugolovnogo zakonodatelstva ob otvetstvennosti za ubiystvo v sostoyanii affekta / Gumanitarnyye. sotsialno-ekonomicheskkiye i obshchestvennyye nauki. – 2015. – №2. – S. 151–154.
3. Zhizhilenko. A. A. Prestupleniya protiv lichnosti. – M.: Kom. Akad. 1927. – 195 s.
4. Kulenko O.I. // Evolyutsiya razvitiya ugolovnoy otvetstvennosti. za prestupleniya. sovershayemye v sostoyanii affekta / Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2010. – №9. – S.70-73.
5. Rossiyskoye zakonodatelstvo X–XX vekov. V 9 t. T. 1. Zakonodatelstvo Drevney Rusi.– M.: Yurid. lit.. 1984. – 432 s.
6. Rossiyskoye zakonodatelstvo X - XX vekov. V 9 t. T. 4. Zakonodatelstvo perioda stanovleniya absolyutizma / pod obshch. red. O. I. Chistyakova; otv. red. t. A. G. Mankov. – M.. 1986–511 s.
7. Sbornik postanovleniy Plenuma Verkhovnogo Suda SSSR. 1924–1977 gg. – M.: Izvestiya. 1978. – Ch. 2–528. s.
8. Tagantsev N.S. Ugolovnoye ulozheniye 22 marta 1903 g. – SPb: Tip. Merkusheva. – 1911. – 625 s.
9. Shargorodskiy M. D. Prestupleniya protiv zhizni i zdorovia. M.: Yurid. izd-vo MYu SSSR. – 1947. – 511 s.
10. Sharyurova Yu.B. // Otvetstvennost za prestupleniya. sovershennyye v sostoyanii affekta. istoricheskiy aspekt / Probely v rossiyskom zakonodatelstve. Yuridicheskiy zhurnal. – 2011. – №5. – S.169–172.

УДК 323.285

БОРЬБА С ТЕРРОРИЗМОМ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: КОНЦЕПЦИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

Скребец Е. С.

Краснодарский университет МВД России

Сегодня терроризм является одним из негативных социальных явлений современности, масштабы которого приобретают глобальный характер, а последствия наносят непоправимые потери мировому сообществу. Как правило, данное явление характеризуется массовыми человеческими жертвами, значительным материальным ущербом, разрушением духовных ценностей, разжиганием ненависти между социальными, политическими, национальными и религиозными группами.

Доказывается, что борьба с терроризмом – приоритетное направление обеспечения национальной безопасности для любого государства. В статье рассмотрены основные причины возникновения и перспективы развития терроризма в Российской Федерации. Отдельное внимание уделено терминологии в данной сфере, правовым основам противодействия терроризму, особенностям превенции данного явления, а также подчеркнута взаимосвязь террористической и экстремистской деятельности.

Ключевые слова: борьба, национальная безопасность, политика, предупреждение, противодействие, сотрудничество, терроризм, угроза, экстремизм.

На сегодняшний день терроризм является долгосрочным фактором в современной геополитической системе и достаточно устойчивым явлением в развитии общества. Происходит интенсивная эскалация террористической деятельности, экстремистки настроенных лиц, групп и организаций в привычное функционирование общества и государства. Терроризм и экстремизм в своих проявлениях различного рода все больше угрожают безопасности стран и их населению, наносят ощутимые, а иногда и невозможные потери политической, экономической деятельности государства, моральным отношениям, оказывают сильное психологическое давление на граждан, и как следствие, уносят жизни мирного населения.

На протяжении последних лет в Российской Федерации наблюдается перманентное разрушение инфраструктуры преступных формирований, ликвидация лидеров террористических группировок, которые действуют на территории государства. Так, согласно статистике МВД России, в 2015 г. зарегистрировано 1531 преступление террористического характера (+ 35,8 % в сравнении с 2014 г.) [1]. В январе – феврале 2016 г. – 439 преступлений террористического характера (+ 52,4 %) и 220 преступлений экстремистской направленности (+ 12,8 %) [2].

Характер социально-политической обстановки в мире и Российской Федерации дает понимание того, что терроризм как угроза современному обществу и национальной безопасности, вероятно, сохранится и в долгосрочной перспективе. В

связи с этим задача по повышению эффективности системы противодействия терроризму остается приоритетной и относится к одной из важнейших функций российского государства.

Известно, что терроризм проявляет себя на самых различных уровнях: это могут быть широкомасштабные насильственные акции на международном уровне и неожиданные самопроизвольные террористические действия отдельных лиц и их групп. Современный терроризм постоянно эволюционирует и представляет собой сложную систему, которая состоит из комплекса взаимодополняющих компонентов, другими словами – процессов, которые могут носить идеологический, политический, экономический, военный, криминальный, религиозный, национальный характер. При этом одной из составляющих мер по предупреждению терроризма является борьба с экстремизмом [3]. Непосредственная связь терроризма с экстремизмом очевидна, так как террористические действия являются крайней формой экстремизма и являются наиболее ярко выраженными и действенными. В свою очередь, экстремизм может служить основой для осуществления террористических акций.

Рассмотрением отдельных вопросов борьбы с терроризмом в Российской Федерации занимались такие ученые, как Авдеев Ю. И., Бельский В. Ю., Кокорин С. А., Кубякин О. Е., Лупов И. Ф., Улезько У. В., Силантьев Р. А., Стальмахов В. А., Трофимов С. А. и др. Работы данных исследователей освещают государственную антитеррористическую политику, вопросы ответственности за преступления террористического характера, а также меры противодействия таким общественно-политическим явлениям, как терроризм и экстремизм.

Цель данной статьи – анализ государственной стратегии Российской Федерации в сфере борьбы с терроризмом, а также внесение предложений и рекомендаций по ее дальнейшему усовершенствованию.

По оценкам специалистов, причинами возникновения терроризма в Российской Федерации являются: политическая, экономическая и социальная нестабильность; миграционные процессы; наличие каналов нелегального поступления оружия, взрывчатых веществ и других запрещенных для оборота вещей и предметов; чувство социальной незащищенности у граждан; обострение межнациональных противоречий, порождающих национализм и сепаратизм; распространение в разных регионах государства межконфессиональных конфликтов, развитие религиозного, политического экстремизма, утрата на этом фоне людьми жизненных и идеологических ориентиров [4, с. 64–67; 5, с. 153–157].

На современном этапе развития общества рост угрозы терроризма в России происходит на фоне распространения политического, религиозного, национального экстремизма, обострения гражданской нетерпимости, прежде всего, на фоне общественно-политических отношений, системного финансового кризиса и правового нигилизма [6, с. 48–50]. Данные действия представляют реальную угрозу человеку, обществу и государству в целом, а также политической, экономической, экологической и военной безопасности государства, его территориальной целостности и суверенитету.

Федеральный закон «О противодействии терроризму» определяет терроризм как идеологию насилия и практику воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными